

УДК 94(420)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В БАСМАЧЕСТВЕ: ИШАНИЗМ И СУФИЗМ

К.Н. Абдуллаев

Дается анализ одного из малоизученных политических направлений в басмачестве и среднеазиатской эмиграции в Афганистане 1920-х и 1930-х гг., выразителями которых были неформальные религиозные лидеры мусульманских общин – ишаны и суфии.

Ключевые слова: басмачество; среднеазиатская эмиграция; суфизм; ишанизм; Макдуми Азам; джихад.

POLITICAL CURRENTS IN BASMACHESTVO: ISHANISM AND SUFISM

K.N. Abdullaev

It is given the analysis one of the previously understudied political trends in the anti-Soviet insurgency, known as the Basmachestvo, and among the Central Asian emigration in Afghanistan 1920th and the 1930th, that had been expressed by informal religious leaders of Muslim communities – ishans and sufis.

Keywords: basmachestvo; Central Asian emigration; Sufism; ishanism; Makdumi Azam; jihad.

Религиозные переживания мусульман Средней Азии проявляются не только в поклонении Аллаху и Пророку Мухаммаду, но и в почитании различных святых. Ими могли быть не только святой, но и просто выдающийся своей набожностью человек. В этой роли чаще выступали неформальные религиозные лидеры: ишаны, шейхи, муршиды, устыды, пиры и т. п. Сила этих реальных и воображаемых святых коренилась в исламском мистицизме, или суфизме. Хотя считается, что суфизм, как внутреннее измерение ислама, не противоречит, а дополняет шариат, представляющий собой “внешнюю оболочку” ислама [1, с. 376]. На деле суфии и ишаны нередко противопоставляли себя книжному исламу просвещенных уламо и конформистскому исламу “официальных” мулл. Тем не менее, влияние суфиев было сильно как на официальном, так и на неофициальном уровне. Особенно это касалось Средней Азии и Афганистана, где и сейчас трудно провести четкую границу между суфием и муллой (понимаемым как не обладающий харизмой, но получивший формальное образование эксперт). Неудивительно, что суфизм оставил свой след в политической жизни среднеазиатского общества, в частности в басмачестве – вооруженном сопротивлении мусульман Средней Азии насильственному установлению советской власти в 1918–1934 гг.

В басмачестве и далее в среднеазиатской эмиграции в Афганистане [2] заметную роль играли

суфии, относившие себя к Дахбеди Шариф. Однако что это за братство?

Источники упоминают группу суфиев из местности Дахбед (“Десять ив”), что близ Самарканда, эмигрировавших в Гиссар и далее в афганский Бадахшан и Кундуз. Примерная дата переселения – XVII в. [3, с. 9]. Эта группа выдвинула влиятельных религиозных лидеров, проповедников, которые обрели немало последователей среди местных племен. Ишан Исахан, соратник знаменитого басмача Таджикистана Ибрагимбека, по этому поводу в 1931 г. говорил в ташкентской ЧК следующее: “Сам я происхожу из семьи ишанов, которые проживали в Дахбеди Шариф. Мой дед в поисках мюридов прибыл в Гиссар, где обрел немало последователей среди местных племен. В Гиссаре было всего две такие семьи. Это моя семья, и Ишана Калона. Мы, выходцы Дахбеди Шарифа, носили название ишанов Макдуми Азам. Звание ишана у нас передавалось по наследству” [4, с. 115].

Вероятно, речь идет о клане “ходжагон”, или Макдумзада, основанном шейхом по имени Ахмад ибни Мавлоно Джалолиддин Ходжагии Касани, или просто Ахмад Касани (1461–1542), который прославился как Макдуми Азам (или Макдуми Муаззам, с арабского – “Великий господин”) [5, с. 205–206].

Привилегированные религиозно-социальные группы, претендующие на реальные или вымыш-

ленные связи с Макдуми Азамом, были разбросаны по всему региону – от Хорасана до Синьцзяня. И по сей день по всему Таджикистану и Афганистану можно найти немало мусульман, считающих себя потомками и приверженцами Макдуми Азама и выходцами из Дахбеда. Особое внимание уделялось горным таджикам и полукочевым узбекским племенам. Неграмотные в своей массе, они были расположены больше к мистическому, терпимому и гибкому, чем эмпирическому, основанному на кораническом знании, исламу. В результате, к XIX в. суфизм в Восточной Бухаре и Северном Афганистане пустил глубокие корни в сельских общинах и племенах, и потерял при этом свой вненациональный и элитистский характер. Тот же Ишан Исахан признавался на следствии: “По отцовской линии я наследовал мюридов из лакайцев, казаков, маркинцев (тюрко-узбекские полукочевые племена даштикипчакского происхождения – *К.А.*). От марка у меня было до десяти мюридов. Все казаки были моими мюридами, даже те, которые жили в Афганистане. Большинство лакайцев были моими мюридами. Среди таджиков у меня мюридов не было” [4, с. 115].

В новейший период истории Средней Азии эти ордена теряли свойства и качества, присущие классическому суфизму, дойдя до той степени, когда, как выразилась известная исследовательница ислама Сухарева, “суфизм выродился в ишанизм” [6, с. 111]. Западный исследователь В. Смит высказывает схожую мысль: “Ордена (суфийские – *К.А.*) дегенерировали от мистического проникновения к легковверному суеверию; от немногословной интуиции к абракадабре возбужденного шарлатана” [7, с. 46].

Другими словами, в Средней Азии изучаемого периода более уместно говорить не о “метафизическом” суфизме великих духовных авторитетов, а о так называемом народном суфизме. Естественно в этой связи вопрос: можно ли считать ишанизм последней стадией среднеазиатского суфизма? Отчасти это так. Находясь среди полукочевых узбеков и горных таджиков Восточной Бухары, ишаны Макдуми Азам теряли (или почти потеряли) духовные связи со своими первосвященниками – пирами Дахбеда. Разрушению этих связей способствовали русская колонизация, революции, войны, введение массового светского обучения. Произошло принципиальное ослабление “силсилы” – цепи, связывавшей тарикаты с первоисточником – святым откровением Пророка Мухаммада и его компаньонов. С другой стороны, ишаны проникли в народную гушу и срослись с местными племенными (узбекскими и туркменскими) и оседлыми (таджикскими) структурами. В результате

суфийские ордена превратились в хорошо организованные, связанные жесткой дисциплиной (основанной на лояльности братству, семье, соседям) группы солидарности. В таких группах бывает очень трудно отличить религиозно-мистические связи и лояльности от “земных” – племенных, этнических, национальных и прочих. В дальнейшем многие из этих братств составили ядро басмачества¹. Не удивительно, что эмир Бухары Алим Хан после того как был свергнут осенью 1920 г. и бежал в Восточную Бухару, привлек к сотрудничеству шейхов и ишанов, имевших в своем распоряжении преданных мюридов. По поводу ишанов, их роли в обществе, русский офицер и исследователь начала XX в. А.Е. Снесарев писал: “Если вы хотите заручиться тем, чтобы военная обстановка слагалась для вас благополучно, если вы хотите, чтобы таджики были на вашей стороне, если хотите получить доступ в толщу таджикского народа, – прежде всего позаботьтесь о привлечении на свою сторону ишанов. Ишаны – это главный двигатель жизни этого народа. Человека этого боготворят, его окружают вниманием и почетом, целуют его стремя, когда он едет верхом” [8, с. 72].

Таким образом, в Средней Азии рассматриваемого периода мы имеем дело не с классическим суфизмом, а с его пережитком в виде “народного” суфизма, или племенной формы ишанизма, который почти потерял фактическую связь со своим суфийским идеологическим источником. Сами ишаны подтверждают это: “С ишанами Самарканда и Дахбеда Шарифа я никогда не имел связи”, – признавался Ишан Исахан [4, с. 115].

Будучи оторванными от своего мистического и философского дискурса, к началу XX в. суфийские миссии из поиска правды превратились в вульгарные поиски мюридов, которые обеспечили безбедное существование наследственным ишанам, стремящимся сохранить свое привилегированное положение в среднеазиатском обществе, вступившем в период сложных трансформаций.

С социологической точки зрения, ишанские группы представляли собой союзы из десятков, сотен, а то и тысяч мюридов, фанатически преданных (только) своим духовникам. Разумеется, далеко не все лидеры орденов были действительно суфиями, наделенными духовной интуицией и необыкновенным трансцендентальным знанием. Они были наследственными муршидами и их харизма

¹ По нашему мнению, многие из этих групп, известные по формулировкам КГБ как “ишано-мюридские группировки”, принимали активное участие в политической и военной борьбе в Таджикистане в 1990-х гг.

переходила от поколения к поколению. В почитании рядовыми мусульманами суфиев и ишанов отразилось поверхностное, народное, массовое понимание духовности, встречающееся, кстати, в любой цивилизации и культуре (достаточно напомнить повальное увлечение иконами, купанием в проруби, целованием рук священникам и т. д., распространенными в современной православной России). Эта “народная духовность” и вытекающая из нее слепая и фанатическая приверженность к лидеру-учителю, вещественным символам и ритуалам, на самом деле, не имела ничего общего с присущим настоящему суфизму самосовершенствованием, сопровождающимся неизбежным отстранением от жестких религиозных рамок. Вулгаризированный и доведенный до уровня фольклора суфизм зачастую превращался в “мудрость идиотов” [1, с. 380].

Несмотря на отступление от классического суфизма, ишанизм Восточной Бухары сохранил присущую суфийским орденам жесткую организацию и дисциплину. Оторванные от религиозных центров и выросшие в общинах ишаны, как правило, были плохо образованы, однако владели телами и душами послушников и умело манипулировали их сознанием. Преданность ишану была обычным делом. Не удивительно, что именно ишанским братствам, объединившись с милитаризированными феодальными структурами, взяли на себя функцию “защиты ислама”. Ишаны стали идеологическими вдохновителями антисоветского джихада. Уяснив этот факт, становится понятным, почему центрами басмаческого сопротивления стали не города, а отдаленные, чаще приграничные регионы туркменских степей и пустынь, а также предгорий таджикско-узбекской Восточной Бухары. Там, где власть ортодоксальных, официальных, склонных к коллаборационизму мулл была слаба, и наоборот, харизматические ишаны и консервативные муллы пользовались ничем не ограниченным влиянием на свободолюбивых пастухов и земледельцев. Известный шейх по имени Хан Ишан, например, был духовником лидера туркменских повстанцев Джунаид Хана. До 1925 г. все шесть или семь основных туркменских лидеров имели своих ишанов, которые занимались духовными делами и администрацией отрядов. В ряде случаев ишаны были непосредственными командирами отрядов. Самым авторитетным руководителем таджикского басмачества в 1921–1923 гг. был ишан Султан из Дарваза. Другой известный ишан из Душанбе (имя неизвестно) благословил таджикского курбаши Рахмана Додхо (убитого в 1925 г.) на борьбу против “неверных”. Та же самая картина наблюдается в среде лакайских отрядов, где ишан Дамулла

Хан благословил узбеков на джихад. Свой духовный наставник – Ишони Довуд из Куляба – был и у Ибрагимбека. По словам Ибрагимбека, каждый из его отрядов имел своего ишана-духовника. Они выступали своего рода “комиссарами” при военных командирах – курбаши. Ишаны обычно не относили себя к какой-либо национальности или этнической группе и выступали за укрепление единства мусульман вне зависимости от происхождения. Они разрешали межплеменные и межэтнические конфликты, пытаясь воплотить в жизнь извечный мусульманский идеал – создать общность, основанную не на кровном родстве, а на единстве веры.

Накшбандийские ишаны стремились быть “внешне с народом, внутренне с богом”, то есть никогда не отгораживались от народа, его нужд и забот. Они находились в самом центре социальной и политической жизни мусульман. Особенно сильными были позиции политически активного духовенства в Кулябской зоне. В этом, наиболее близком к Афганистану регионе Таджикистана, советские спецслужбы насчитали 231 из 410 наиболее влиятельных мулл и ишанов. В ходе борьбы с басмачеством все они были подвергнуты репрессиям. Так, в 1924 г. была арестована большая группа духовенства во главе с Кази Исмадулло Каримовым, которого Советская власть считала “крупным идеологом басмачества” [9]. По подсчетам, проведенным Средазбюро ЦК ВКП (б), “в приграничной полосе Таджикистана на 313 душ приходилось одно духовное лицо” [10, л. 99].

Способность харизматических религиозных лидеров мобилизовывать население на насильственные протестные акции оказала сильное впечатление на советскую власть. Она рассматривала ишанизм как серьезную угрозу существующему строю в Таджикистане. Все таджикские ишаны были взяты на учет. Согласно информации ГПУ ТАССР в 1925 г., в республике было около 50 ишанов, каждый из которых имел от 500 до 10 000 мюридов. Если принять на веру это утверждение, то получается, что в Таджикистане (точнее в современной его центральной и южной части) было около 50 братств, общим количеством до 500 тыс. человек. Это огромное количество для 750-тысячного населения Таджикистана того времени.

Стараясь предотвратить конфликты между отдельными командирами и племенными лидерами, ишаны стремились объединить мусульман, укрепить общину. После понесенного поражения во второй половине 1920-х гг. многие из басмачей бежали в Афганистан. Наибольшим авторитетом среди среднеазиатских эмигрантов в Афганистане пользовался туркмен ишан Халифа из Кызыл

Аяка. Его авторитет держался и на харизме, и на военной мощи его послушников. Благословение Халифы Кызыл Аяка было обязательно, особенно если предстояло принять какое-либо важное политическое решение [4, с. 162].

Суннитские персоязычные религиозные авторитеты Средней Азии и Афганистана того времени общались друг с другом, их семьи роднились, а ученики, родственники и мюриды, жившие по обе стороны границы, часто пересекали реку как паломники, студенты и гости. До 1934 г. граница между СССР и Афганистаном охранялась недостаточно надежно, и переходы были обычным делом.

Конечно, не все из них стали басмачами и стремились участвовать в джихаде. Равным образом, нельзя абсолютизировать влияние суфиев и ишанов на среднеазиатское общество. Радикализм воинственных ишанов противоречил, прежде всего, ортодоксальному, нормативному, интеллектуальному, “высокому” исламу, а также исламскому реформизму (джадидизму). Кроме того, сам факт влияния какого-то ишана на население не означает того, что оно было абсолютным и неизбежно направлено против советской власти и содержало призыв к насилию. Как в Чечне и Дагестане XIX в., так и в Средней Азии 1920-х, а также Чечне и Таджикистане 1990-х гг., суфии и ишаны нередко стояли по разные стороны баррикад. Многие из них отказывались быть втянутыми в политику, противились попыткам объявлять русских и их сторонников неверными и отрицали насилие. В Дарвазе, например, часть ишанов, противников ишана Султана, поддержала большевиков. Более того, брат казненного турками в 1923 г. ишана Султана, ишан Шабудин, встал на сторону советской власти и был даже назначен председателем Дарвазского ревкома [10, л. 12]. Это еще одно доказательство того, что принадлежность к мусуль-

манской религии отнюдь не означает того, что “исторически” все мусульмане придерживались единых политических взглядов. Ислам в Средней Азии (и во всем мире) никогда не был проблемой и не выступал в качестве общей политической платформы его последователей. Не был он и доктриной басмачества. Скорее, вульгаризированная форма суфизма – ишанизм – послужила важным и эффективным инструментом социальной мобилизации и военной политики, при помощи которого различные (светские) лидеры боролись за власть, влияние и другие вполне земные интересы.

Литература

1. *Glasse Cyril. The Concise Encyclopedia of Islam / Cyril Glasse. Harper San-Francisco, 1999.*
2. *Абдуллаев К.Н. От Синьцзяня до Хорасана: из истории среднеазиатской эмиграции / К.Н. Абдуллаев. Душанбе, 2009.*
3. *Кушкеки Б. Каттаган и Бадахшан / Б. Кушкеки. Ташкент, 1926.*
4. Архив комитета государственной безопасности Узбекистана. Уголовное дело № 123469 по обвинению Ибрагимбека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьями Уголовного кодекса Узбекской ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР).
5. *Мухаммедходжаев А. Идеология накшбандизма / А. Мухаммедходжаев. Душанбе, 1991.*
6. *Демидов С.М. Суфизм в Туркменистане / С.М. Демидов. Ашхабад, 1978.*
7. *Smith W.C. Islam in Modern History / W.C. Smith. Princeton, 1957.*
8. *Снесарев А.Е. Афганистан / А.Е. Снесарев. М., 2002.*
9. Архив Коммунистической партии Таджикистана. Ф. 24-9. Оп. 1. Д. 17. Л. 78.
10. Государственный архив республики Таджикистан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 780.